

Первые впечатления (война)

31 СИБ-2. Т. VС. 318.

32 РНБ. Ед. хр. 67. Л. 52.

33 СИБ-2. Т. V С. 344-345; СИБ-2. Т. VI. С. 322.

34 Насколько свободно она владела немецким, мы не знаем. В мемуарном очерке «Полторы комнаты» Бродский пишет о матери: «...всплескивает руками и восклицает: „Ach! Oh wunderbar!“ – по-немецки, на языке ее латвийского детства и нынешней службы переводчицей в лагере для военнопленных» (СИБ-2. Т. 5. С. 327). Из этого можно заключить, что немецкий был основным языком в семье матери. С другой стороны, в стихотворении-воспоминании о детстве «Благодарю великого Творца...», написанном в 1962 г., то есть когда образы родителей еще не подернулись ностальгической дымкой, Бродский не без мягкой иронии отзывался о материнском немецком: «За знание трехсот немецких слов / благодарю я собственную мать: / могла военнопленных понимать – / покуда я в избе орал „уа“, / в концлагере нашлось ей амплуа» (РНБ. Ед. хр. 59). Не исключено, что отсюда же полуидиш-полунемецкий волапюк в стихотворении «Два часа в резервуаре» (ОВП).

35 См. «Полторы комнаты». Гл. 26.

36 РНБ. Ед. хр. 63. Л. 192.

Первые смутные воспоминания Иосифа связаны с Череповцом (Вологодская область), куда он был эвакуирован с матерью после первой блокадной зимы, 21 апреля 1942 года. «Я помню спуск в нашу полуподвальную квартирку [на ул. Ленина]. Три или четыре белых ступеньки ведут из прихожей в кухню. Я еще не успеваю спуститься, как бабушка подает мне только что испеченную булочку – птичку с изюминкой в глазу. У нее немного подгоревшие крылышки, но там, где должны быть перышки, тесто светлее. Справа стол, на котором катается тесто, слева печка. Между ними и лежит путь в комнатку, где мы все жили: дедушка, бабушка [родители матери. – Л. Л.], мама и я. Моя кровать стояла у той же стены, что и печь в кухне. Напротив – мамина кровать и над ней окошко, выходящее, как и в кухне, на улицу. <...> Хозяев я совсем не помню. Был только их сын – Шурка, которого я из-за своей дикции звал Хунка»³⁷.

С годами дефекты речи исправились, осталась только картавость, но в силу особенностей голосового аппарата произношению Бродского была свойственна назальность; если он и не произносил «н» вместо «р», как в младенчестве, то этот назальный призвук часто звучал в его речи на словоразделах, на какие бы звуки они ни приходились. Это особенно усиливалось при декламации. Н. Я. Мандельштам писала: «В формировании звука у него деятельное участие принимает нос. Такого я не замечала ни у кого на свете: ноздри вытягиваются, раздуваются, устраивают различные выкрутасы, окрашивая носовым признаком каждый гласный и каждый согласный. Это не человек, а духовой оркестр...»³⁸

В эвакуации Иосиф с матерью провели всего около года. К череповецким впечатлениям, запомнившимся на всю жизнь, относятся и страшные. Мать, благодаря знанию немецкого, устроилась работать в лагерь для военнопленных. «Несколько раз она брала меня с собой в лагерь. Мы садились с мамой в переполненную лодку, и какой-то старик в плаще греб. Вода была вровень с бортами, народу было очень много. Помню, в первый раз я даже спросил: „Мама, а скоро мы будем тонуть?“»³⁹ Другое страшное воспоминание связано с вокзалом в Череповце, когда пришло время возвращаться в Ленинград: «Тогда же все рвались назад, теплушки были битком набиты, хоть в Ленинград пускали по пропускам. Люди ехали на крыше, на сцепке, на всяких выступах. Я очень хорошо помню: белые облака на голубом небе над красной теплушкой, увешанной народом в выцветших желтоватых ватниках, бабы в платках. Вагон движется, а за ним, хромя, бежит старик. На бегу он сдергивает трех и видно, какой он лысый; он тянет руки к вагону, уже цепляется за что-то, но тут какая-то баба, перегнувшись через перекладину, схватила чайник и поливает ему лысину кипятком. Я вижу пар»⁴⁰.